

Новый источник по истории политического кризиса 1905 г.*

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

New source for the history of political crisis of 1905

И. В. Лукоянов извлёк из фондов целого ряда архивов Москвы и Петербурга, систематизировал и опубликовал уникальный источник – документы о совещаниях («беседы», как называли их сами участники) губернских предводителей дворянства, происходивших в конце 1904 – начале 1906 г. Структура книги подробно объяснена во вступительной статье: публикация поделена по хронологии на семь частей, включающих «записи бесед», журналы заседаний съезда губернских и уездных предводителей дворянства 7–11 января 1906 г. и его бюро, письма, записки, доклады, которые показывают, как менялось содержание дворянских совещаний на фоне усиливавшегося политического кризиса. Однако эти изменения, как отмечает составитель, лишь отчасти корректировали политические взгляды, уже сложившиеся к тому времени у большинства предводителей. Лукоянов характеризует их как умеренно либеральные, находящиеся в диапазоне «между будущими октябристами и умеренными правыми» (с. 31). Тем самым принципиально пересматривается устоявшееся в историографии представление о том, что в 1905 г. дворяне в массе своей придерживались консервативных убеждений. Собственную оценку составитель обстоятельно обосновывает во вступительной статье, которая является одновременно оригинальным исследованием, имеющим самостоятельную ценность, и подробным путеводителем, существенно облегчающим ознакомление с публикуемыми документами. Впрочем, это не может в полной мере заменить комментарии к ним, к сожалению, отсутствующие в издании.

В первой части помещены материалы ноября–декабря 1904 г., когда, по словам Лукоянова, в среде дворянских деятелей «сформировалось убеждение в ненормальности существующего положения и тревога за будущее» (с. 11), в связи с чем и произошла политизация их встреч. Именно в эти месяцы в целом и определились те позиции, которые губернские предводители занимали на протяжении 1905–1906 гг. Составитель считает их «умеренными»

и «базировавшимися на понимании, что политическая реформа и введение института народных представителей необходимо» (с. 31). Однако для конца 1904 г., т.е. для периода, предшествовавшего 9 января 1905 г., они выглядели не так уж и умеренно.

Весьма примечательна «памятная записка», выражавшая консолидированное мнение совещания, состоявшегося в Москве 15–19 ноября и заявившего о том, что исправить «искусственно созданное администрацией нетерпимое положение» следует «установлением действительного контроля над законностью действий администрации» и «привлечением выборных представителей сословных, земских и городских обществ к правильно организованному участию в разработке и составлению новых законопроектов и правительственных мероприятий» (с. 41). Как пишет публикатор, подобная рекомендация «была весьма близка земскому съезду по существу», но вместе с тем «отличалась осторожностью в предложениях и отсутствием резкой критики власти» (с. 12). Действительно, выдвинутые в записке предложения выглядели умеренными, но жалобы на административный произвол и пренебрежительное отношение министерств к законам придавали ей резкую антиправительственную тональность (с. 40). Её авторы словно бы не заметили, что В. К. Плеве уже нет и наступила «весна» кн. П. Д. Святополка-Мирского. Лукоянов обращает внимание на явную «несоразмерность предлагаемой меры» – фундаментальной административной и политической реформы – и декларируемых её причин – произвола и т.п. Во вступительной статье это объясняется тем, что встреча 15–19 ноября явилась «ответом на земский съезд» и проводилась с учётом его гораздо более радикальных требований (с. 12). Впрочем, подобная «несоразмерность» была естественной для самого начального этапа политизации дворянских предводителей. Неудивительно и то, что практические их соображения сводились либо к мысли о реформе Государственного совета «с соответствующим расширением его компетенции

* Российское дворянство в революции 1905 года: «Беседы» губернских предводителей / Сост. И. В. Лукоянов. СПб.: Нестор-История, 2017. 512 с.

и состава» (с. 42), либо к призыву, как предлагал екатеринославский губернский предводитель М.И. Миклашевский, «бить челом государю и просить его дозволить собраться всем поголовно губернским предводителям, а затем не отказать выслушать их строго взвешенный и зрело обдуманный совет о том, какие следует внести изменения в управление нашей обширной родины, дабы восстановить порядок и спокойствие» (с. 49).

Во вторую часть книги вошли тексты, связанные со следующим московским совещанием, состоявшимся 11–15 марта уже в новой политической реальности – спустя три недели после издания рескрипта 18 февраля, сделавшего реформу государственного управления неизбежной, но несколько не прояснившего её содержание. Другим рубежом, завершившим целый период дворянского движения, стал земский съезд 22 апреля. Дворяне, как видно из слов Лукоянова, пристально следили за действиями земцев, контактировали с ними (как, например, петербургский и московский предводители гр. В.В. Гудович и кн. П.Н. Трубецкой) и симпатизировали им (с. 18). И хотя, по мнению лидеров дворянства, конституция могла нарушить «целость» страны и была бы делом «беззаконным при отсутствии предварительного согласия на неё народа» (с. 66), они охотно рассуждали про будущее «народное представительство», образованное в самое ближайшее время «из выборных людей» на основе несколько модифицированного порядка земских выборов 1864 г. (с. 78–79), наделённое правами законодательной инициативы, обращения к правительству с запросами (при сохранении ответственности министров лишь перед самодержцем) и «рассмотрения государственной росписи» вместе с «контролем над исполненным бюджетом» (с. 68).

Среди документов этого раздела – записка уездного предводителя из Смоленской губ. Н.А. Хомякова (будущего председателя III Думы), обсуждавшаяся в ходе мартовских «бесед», записи заседаний 11–12 марта, особые мнения дворянских деятелей и их переписка, раскрывающая реакцию на это совещание. Вероятно, во вступительной статье следовало хотя бы упомянуть о том, как материалы «бесед» появились в печати. Так, публикуя их в своём «Открытом письме губернским предводителям дворянства, собравшимся в Москве», консервативный оппонент их либерального большинства кн. Л.С. Голицын цитировал записку Хомякова как «уже известное читателям ваше “заявление”» (с. 80–81). Ответ кн. Трубецкого на «открытое письмо» кн. Голицына, по словам Лукоянова, «также предполагалось направить в “Московские ведомости”» (с. 82).

Однако непонятно, был ли он напечатан, где и когда. Семеро представителей консервативно настроенных дворян свой отклик на «записку 22-х», составленную по итогам встречи 11–15 марта 1905 г., прямо начинали с того, что «опубликованием в печати своего мнения губернские предводители дворянства погрешили и перед верховной властью, и перед дворянскими обществами, избранными коих они являются» (с. 83). Безусловно, отыскать в обширной тогдашней периодике данные тексты довольно затруднительно, но нельзя недооценивать сам факт огласки, увеличивавший аудиторию и резонанс «бесед» и способствовавший росту политического влияния их участников и последующего внимания к ним со стороны власти.

Чрезвычайно любопытна полемика, развернувшаяся в дворянской среде после мартовской декларации губернских предводителей. На «записку 22-х» в начале апреля последовал «отзыв» 23-х лиц «первенствующего сословия», известных своими консервативными взглядами. Они совершенно справедливо упрекали своих оппонентов в искажении смысла рескрипта 18 февраля (характерно, что цитировалась при этом записка Хомякова (с. 53)) и напоминали, что в нём «нет речи о введении у нас представительных учреждений» (с. 19, 88). Более того, они весьма прозорливо предсказывали, что одна только возможность обращения к правительству с запросами способна дестабилизировать конструктивную работу «палаты представителей». В этом случае она непременно станет «ареной для политической интриги», а её члены начнут борьбу с неугодными им министрами «путём запросов по всевозможным поводам», вынуждая их подавать в отставку. В самом «народном представительстве» неизбежно окажутся лица, которые обратят свои права «в орудие против самодержавия», в то время как «собрание выборных будет силою вещей вовлечено в политическую борьбу, всех последствий которой нельзя и предусмотреть» (с. 19, 92–93). Не менее дальновидно и отчётливо видел открывающуюся перед страной перспективу управляющий тамбовской казённой палатой П.Н. Кутлер, писавший кн. П.Н. Трубецкому 12 апреля: «“Конституционно-демократическая” партия вообразила, что Россию в настоящий момент можно устраивать “заново”, ничем не стесняясь, по какому угодно шаблону. Следствием такой политики действительно “бессмысленных мечтаний” может явиться одно из двух: или полное её крушение, или революция, какой свет не видал; середины нет» (с. 104).

На проходившем в Москве 24–28 апреля совещании губернских предводителей (связанные с ним материалы собраны в третьей части книги) уже не было прежнего умеренно

либерального единодушия, и проступили черты «действительно существовавшего в дворянской среде раскола по вопросу государственных преобразований»: при обсуждении «записки 22-х» большинство поддержало её, но почти столько же участников встречи выступили против высказанных в ней идей, предлагали разного рода уточнения или воздержались от выражения собственного мнения (с. 19, 183). Лукоянов связывает это с тем, что «революция ещё развивалась, а крестьянское движение не набрало оборотов» (с. 19). Кроме того, судя по отдельным высказываниям, к весне риторика дворян стала более прагматичной. Их надежды на привлечение к разработке политической реформы не оправдались. Характерно, что в докладе нижегородского губернского предводителя А.И. Зыбина, прозвучавшем на апрельском совещании, конституция и самодержавие объявлялись «мифами», а «всем политическим лагерям» предлагалось добиваться «создания такого типа высшего центрального учреждения представительного характера», которое опиралось бы на «систему местных самоуправляющихся единиц» и могло бы «осуществлять действенный над отправлениями государственной жизни контроль» (с. 132). При этом высказывавшиеся в ходе апрельских «бесед» соображения – в частности, о «невозможности организации выборов от всей страны на началах сословных» (с. 185) – по своему радикализму намного превосходили принципы, заложенные при организации Булыгинской думы. Идеи же консервативных оппонентов умеренно либерального большинства губернских предводителей – например, о привлечении «выборных» к работе «межведомственных комиссий или совещаний», наподобие Редакционных комиссий начала царствования Александра II (с. 238), – на фоне разрабатывавшегося за закрытыми дверями и никому тогда ещё не известного правительственного проекта вообщем кажутся анахронизмом.

Заметное воздействие на настроение дворян произвела цусимская катастрофа. А во второй половине мая, когда общество узнало о разгроме эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского, кн. Трубецкой и Зыбин установили тесный контакт с Д.Н. Шиповым (Лукоянов полагает даже, что «лидер всероссийского земства фактически являлся негласным участником встреч предводителей»), и произошла «значительная консолидация усилий земских либералов и дворянской верхушки в давлении на правительство и царя в пользу политических реформ» (с. 21). Тем самым в очередной раз в истории России военное поражение провоцировало радикализацию общественного мнения.

В обстановке «дворянской тревоги», именно после Цусимы сменивший преобладавший

ранее деловой и умеренный либерализм, в Петербурге 12–17 июня прошла очередная «беседа» предводителей, освещённая в четвёртой части книги. В записке, составленной за неделю до начала петербургского совещания, Н.А. Хомяков утверждал, что «правительство потеряло веру в себя, а страна утратила к нему доверие» (с. 245), и теперь «царёва воля» может осуществляться лишь через «сознательные выборы всего населения, без различия сословий и при одинаковых для всех сословий правах» (с. 249). Столь же резкие формулировки содержала и подготовленная в ходе встречи предводителей «памятная записка» для аудиенции у императора. В ней говорилось, что «каждый час дорог», страна находится «в преддверии анархии», «правительство нравственно рухнуло», «правление держится одним царём» и в результате «раздражение страны привлекается к особе монарха» (с. 312–315). Среди избитых выражений верноподданнической риторики звучали явные упреки и даже угрозы: «Истомлённая ожиданием и возбуждённая несчастьями страна относит длящийся разлад или к самой воле государя, или к обходу его воли, возможно из-за того, что им ещё сохраняется признанный несостоятельным правительственный порядок. Препяды к выходу из невыносимого состояния и задержка улучшений связываются с противодействием или несочувствием монарха. Острое чувство обиды подтачивает исконную преданность русских людей не только принципу самодержавия, но и носителям его. Из-за того, что испытания и несчастья связаны с особою монарха, не только тускнеет блеск его образа, но... растёт личная опасность» (с. 315).

Для понимания того, как сам Николай II определял летом 1905 г. допустимые пределы провозглашённых преобразований и насколько соответствовала им позиция губернских предводителей, большое значение имеют включённые в пятую часть книги документы, сообщающие о приёме императором 18 июня гр. Гудовича и кн. Трубецкого, а 20 июня – депутации курского дворянства. Во вступительной статье Лукоянов справедливо рассматривает обе эти аудиенции в контексте третьей – данной самодержцем 6 июня гораздо более радикальным деятелям земско-городского съезда. Тогда Николай II заявил им: «Пусть установится, как было встарь, единение между царём и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам» (с. 22). Эти слова были обнародованы и, вероятно, придавали уверенность Хомякову, приводившему их в своей записке (с. 246), и другим участникам петербургской «беседы».

Судя по записи, сделанной гр. П.А. Гейденем (немного дополняющей и уточняющей официальную публикацию), выступая перед земцами, Николай II, несмотря на несколько архаичные и туманные выражения, подтвердил своё решение «созвать народных представителей» и надеялся на то, что уже «с сегодняшнего дня» присутствовавшие на аудиенции лица будут помогать ему восстанавливать «единение между царём и всею Русью» (с. 23). Лукоянов видит в этом «неуверенность, растерянность» монарха, признавшего приемлемыми требования либералов, изложенные ему 6 июня. Неудивительно, что 18 июня рассуждения кн. Трубецкого и гр. Гудовича «о необходимости быстрее созыва народного представительства» не вызвали у императора возражений (с. 23–24). И едва ли при этом предводители «сами тряслись, словно в лихорадке», как полагал Р. Ш. Ганелин, опиравшийся на «Освобождение» и воспоминания кн. О.Н. Трубецкой (с. 24). В целом материалы пятой части подтверждают правомерность осторожного (поскольку прямые свидетельства в источниках всё же отсутствуют) предположения о том, что взгляды умеренно либерального большинства предводителей, которые выражали кн. Трубецкой и гр. Гудович, были учтены в проекте, принятом на Петергофских совещаниях. Как пишет Лукоянов, «самодержавие отступало ровно настолько, насколько этого хотело “первенствующее сословие”» (с. 26–27).

Шестая часть книги освещает встречу предводителей 31 августа – 3 сентября, на которой обсуждалась в основном роль дворян на предстоящих выборах в Думу (с. 27). Эта «беседа» стала последней перед изданием Манифеста 17 октября, а затем, как предполагает составитель, собрания предводителей «потеряли политический вес и авторитет как в дворянской среде, так и в глазах власти» (с. 29). Как заключает Лукоянов, после принятия положения

о Булыгинской думе «власть сделала ставку на руководящую роль дворянства на выборах, надеясь, что оно обеспечит желательный самодержавию состав депутатов. Ставка оказалась ошибочной по ряду причин, но прежде всего потому, что привилегированное сословие уже не могло безоговорочно рассматриваться как оплот царизма: значительная часть его в 1905 г. хотела политических перемен, и Николай II вынужден был считаться с его мнением. По-видимому, это и есть главный вывод, который можно сделать из материалов дворянских “бесед” 1905 г.» (с. 28). Но вместе с тем это был и поиск определённого баланса и границ взаимного компромисса между властью и «первенствующим сословием».

Собственно седьмая часть публикации, в которой собраны материалы Первого съезда губернских и уездных предводителей дворянства, проходившего 7–11 января 1906 г., лишь отчасти связана с содержанием и ходом предыдущих «бесед». Характерно, что в центре внимания участников съезда оказался уже аграрный вопрос, а его заседания протекали в тени недавно созданного «Союза 17 октября». По верному наблюдению публикатора, январская встреча оказалась «последним мероприятием, организаторами которого явились умеренные по взглядам лидеры дворянского сословия» (с. 30). Именно «организаторами» – и не более того, поскольку и повестка, и её обсуждение свидетельствовали о том, что политическая инициатива уже переходила в руки консерваторов – будущих создателей и ключевых фигур возникшего через несколько месяцев «Объединённого дворянства».

Для понимания действий власти в условиях радикализации настроений высшего сословия значимость публикации И.В. Лукоянова очевидна, к ней непременно будут обращаться все исследователи политического кризиса 1905–1906 гг.